

Вот что я тебе скажу, Сол Адлер: в двадцать три я с ума сходила от твоих прикосновений. Но стоило тебе оторваться от меня, как ты уже искал глазами кого-нибудь другого.

А я тебе вот что скажу, Дженнифер Моро: я любил тебя каждый день и каждую ночь, но ты боялась моей любви, да и сам я ее боялся.

Нет, возразила она, я боялась твоей зависти, она была неизмеримо больше твоей любви. Осторожнее, Сол Адлер! Осторожнее! Посмотри налево, теперь направо, перейди улицу и шагни на ту сторону.

1

Эбби-роуд, Лондон, сентябрь 1988

Я думал о том, что Дженнифер Моро запретила мне говорить о ее красоте — с ней или с кем бы то ни было еще. А когда я спросил почему, отмела все возможные возражения, бросив: «Потому что слова, которыми ты меня описываешь, сплошь устаревшие». Вот что было у меня на уме, когда я ступил на пересекавшие асфальт черные и белые полосы, перед которыми обязаны останавливаться все автомобили, чтобы пешеходы могли перейти улицу. Но машина, ехавшая прямо на меня, не остановилась. Мне пришлось отпрыгнуть в сторону, и я упал на бок, успев выставить вперед руки, чтобы смягчить удар. Водитель заглушил двигатель и открыл окно. На вид ему было около шестидесяти — серебристые волосы, темные глаза, тонкие губы. Он спросил, все ли со мной в порядке. Я не ответил, и он вышел из автомобиля.

— Приношу свои извинения, — сказал он. — Вы шагнули на зебру, и я притормозил, хотел остановиться. Но тут вы передумали и вернулись на тротуар. — Уголки его век подрагивали. — А потом вдруг без предупреждения снова рванули вперед.

Меня позабавило, как подробно он пересказал всю историю, беззастенчиво вывернув ее в свою пользу. Он же украдкой покосился на машину, проверяя, не пострадала ли она от столкновения. Оказалось, что разбилось боковое зеркало. Водитель, разомкнув губы, горестно вздохнул и пробормотал что-то о том, что заказывал его из Милана.

Накануне я всю ночь не спал, готовился к лекции об особенностях психологии мужчин-тиранов, которую начать решил с любопытного факта о том, как Сталин флиртовал с женщинами — бросал в них через стол хлебные катышки за обедом. Теперь листки с моими заметками высыпались из кожаной сумки, которую я носил на плече. А вместе с ними, к моему смущению, выпала и упаковка презервативов. Я начал собирать рассыпанные вещи. Рядом на асфальте лежал какой-то маленький плоский прямоугольный предмет. На ощупь он был теплым и, казалось, вибрировал в ладони. У меня такой штуки точно не было, я решил, что она принадлежит водителю и протянул ее ему. Он же уставился на мою руку. По пальцам стекала кровь. Я содрал кожу на ладонях, и на костяшках левой руки адела ссадина. Я облизнул ее, мужчина же, явно сильно огорченный случившимся, не сводил с меня глаз.

— Подвезти вас куда-нибудь?

— Со мной все в порядке.

Он предложил сходить со мной в аптеку — «помочь промыть рану». Я в ответ покачал головой, и тогда он протянул руку и прикоснулся к моим волосам, что, как ни странно, меня слегка успокоило. Затем он спросил, как меня зовут.

— Сол Адлер. Слушайте, это всего лишь небольшая царапина. У меня кожа тонкая. Чуть что, кровь идет. Пустяки.

Левая рука его была вывернута под странным углом, он придерживал ее правой. Я подобрал презервативы и сунул их в карман пиджака. Налетел ветер. Опавшие листья, что раньше лежали под деревьями, сметенные в аккуратные груды, полетели через дорогу. Водитель объяснил мне, что в Лондоне проходит демонстрация, и потому многие улицы перекрыты. Но насчет Эбби-роуд полной уверенности у него не было, знака «объезд» он не заметил. Он и сам не понял, почему растерялся, ведь вообще-то он часто ездит этой дорогой на крикетные матчи на стадион «Лордс», который расположен тут, неподалеку. Объясняя все это, он поглядывал на прямоугольный предмет в своей руке. Предмет разговаривал. Из него определенно доносился голос, мужской голос, и произносил он что-то сердитое и обидное. Мы же оба делали вид, будто ничего не слышим.

Да пошел ты, ненавижу тебя, домой можешь не являться...

— Сколько вам лет, Сурл? Можете сказать, где вы живете?

Похоже, недавнее происшествие и впрямь сильно его напугало. Я ответил, что мне двадцать восемь, но он не поверил и переспросил еще раз. Весь такой утонченный, он даже имя мое выговаривал так, будто перекатывал во рту большой гладкий камень. Его серебристые волосы были зачесаны назад и блестели, спрыснутые каким-то косметиче-

ским средством. Я, в свою очередь, тоже спросил, как его зовут.

— Вольфганг, — буркнул он быстро, словно надеялся, что я не запомню его имя.

— Как Моцарта, — отозвался я.

А затем, будто ребенок, свалившийся с качелей и показывающий отцу, где у него болит, принялся тыкать в садину на костяшках и снова и снова повторять, что со мной все в порядке. От его участливого тона на глаза навернулись слезы. Хотелось, чтобы он поскорее уехал и оставил меня в покое. Впрочем, совсем недавно у меня умер отец, и, возможно, прослезился я именно из-за этого, хотя между ним и лошеным, предупредительным Вольфгангом с его блестящими серебристыми волосами и не было ничего общего. Чтобы побыстрее от него отделаться, я сказал, что с минуты на минуту должна подойти моя девушка, так что ему не обязательно со мной возиться. Вообще-то мы с ней договорились встретиться здесь, чтобы она сфотографировала меня на пешеходном переходе — как на том знаменитом снимке с обложки альбома «Битлз».

— А что это за альбом, Сурл?

— Называется «*Эбби-Роуд*». Все его знают. Вы что, с луны свалились, Вольфганг?

Он рассмеялся, но вид у него был грустный. Может, из-за обидных слов, которые все продолжали нестись из вибрирующего предмета в его руке.

— А сколько вашей девушке?

— Двадцать три. Вообще-то «*Эбби-Роуд*» — последний альбом, который «Битлз» записали все вместе на студии ЕМІ, она вон там находится, — я ука-

зал на большое белое здание, расположенное на противоположной стороне улицы.

— Ее я, разумеется, знаю, — печально отозвался он. — Знаменитое место, почти как Букингемский дворец. — Он направился обратно к машине, бормоча себе под нос: — Берегите себя, Сурл. Повезло вам: такая юная подружка. Кстати, а чем вы занимаетесь?

Его замечания и расспросы начинали меня раздражать — да и вздохи тоже: вздыхал он так, будто нес на плечах, обтянутых бежевым кашемировым пальто, тяжесть всего мира. Я решил не раскрывать ему, что по образованию я историк и изучаю коммунистические режимы Восточной Европы. Шагнув обратно на тротуар, я с облегчением услышал, как зарычал, заводясь, мотор его машины.

Вообще-то, учитывая, что виновником аварии был Вольфганг, это ему бы стоило побережться. Я махнул ему рукой, но он не ответил. Что же до моей юной подружки, я вообще не понял, к чему он это сказал, ведь Дженнифер была всего на пять лет меня моложе. Интересно, зачем он спрашивал, сколько ей лет? И чем я «занимаюсь»?

Ну да ладно. Я посмотрел на зажатые в пальцах (по которым, кстати, все еще стекала кровь) листки с заметками. В них я рассказывал, что отец Сталина был алкоголиком и домашним тираном. А мать после того, как муж попытался задушить ее, отдала маленького Иосифа в православное духовное училище, чтобы уберечь от яростных нападок отца. Собственные записи я разбирал с трудом, но мне бросился в глаза подчеркнутый абзац, в котором говорилось, что впоследствии Сталин методично наказывал лю-

дей как за сознательные, так и за невольные прегрешения — например, мыслепреступления против партии. Левое бедро начало болеть.

Берегите себя, Сурл. Спасибо за совет, Вольфганг!

Я вернулся к заметкам, на которых теперь атели пятна крови из разбитых костяшек. Иосиф Сталин (это я написал уже под утро) никогда не упускал случая кого-нибудь наказать. Издевался даже над собственным сыном, притом так жестоко, что тот пытался застрелиться. Жена его тоже стрелялась, но, в отличие от сына, обреченного снова и снова сносить придирки отца, преуспела в своих попытках. Мой покойный отец настоящим тираном не был. Эту роль он оставил моему брату Мэттью, который только рад был слегка кого-нибудь помучить. Подобно Сталину, Мэттью любил доносить своих родных, а бывало, доводил их до такого состояния, что они принимались изводить себя сами.

Я сидел на невысокой каменной стене возле студии ЕМІ и ждал Дженнифер. Через три дня я должен был уехать в Восточную Германию, в ГДР, и там, в Университете имени Гумбольдта, заняться изучением культурных течений, возникавших в тридцатые годы в ответ на все шире распространяющуюся фашистскую идеологию. По-немецки я говорил довольно свободно, и все же мне выделили переводчика. Его звали Вальтер Мюллер. В Восточном Берлине я должен был провести две недели, и Мюллер предложил мне остановиться у его матери и сестры, которые жили неподалеку от университета. В каком-то смысле именно Вальтер Мюллер был виноват в том, что меня сегодня едва не сбили на пеше-

ходном переходе. В письме он сообщил мне, что его сестра Кэтрин — в семье ее звали Луна — большая фанатка «Битлз». В 50–60-е годы Социалистическая партия Германии считала музыку культурным оружием, способствующим развращению молодежи, но с семидесятых в ГДР разрешили продавать альбомы «Битлз» и Боба Дилана. И все же прежде, чем пластинки попадут в магазины, чиновники обязаны были тщательно изучить тексты всех представленных на них песен. «Yeah yeah yeah». Что бы это могло значить? Чему это они призывают нас сказать «да»?

Сфотографировать меня на Эбби-роуд и подарить снимок Луне придумала Дженнифер. Примерно за неделю до этого она попросила меня объяснить ей, в чем, собственно, заключается концепция государства ГДР, но я в тот момент был занят другим. Мы были у нее дома, на кухне, готовили арахис в карамели, и я как раз пытался растопить сахар. Рецепт был какой-то замысловатый: сначала нужно было всыпать арахис в кипящий сахарный сироп, а затем запечь его в духовке. Дженнифер никак не могла понять, как это можно запереть за стеной население целой страны и никого оттуда не выпускать. Я начал было объяснять, как так вышло, что Германия оказалась идеологически и физически разделенной на два государства, коммунистическое на Востоке и капиталистическое на Западе, и что коммунисты называют стену «Антифашистским оборонительным валом», но тут пальцы Дженнифер скользнули под ремень моих джинсов. Я был занят сахарным сиропом, а Дженнифер не особенно внимательно меня

слушала. И вскоре мы оба потеряли интерес к Германской Демократической Республике.

Наконец, я увидел Дженнифер. Она направлялась ко мне с небольшой алюминиевой стремянкой в руках. На голове у нее была советская солдатская пилотка, которую я купил ей на блошином рынке на Портобелло-роуд. Я поцеловал ее и вкратце рассказал, что случилось. В школе искусств, где училась Дженнифер, вот-вот должна была открыться выставка ее фоторабот, и она всю к ней готовилась, но все же выделила день, чтобы устроить мне, по ее выражению, «фотосессию». С собой у нее было два фотоаппарата: один болтался на шее, а второй был пристегнут к кожаному ремню. Я не стал вдаваться в подробности недавней аварии, но Дженнифер заметила ссадину на моей левой руке. «Ну и тонкая же у тебя кожа», — сказала она. Я спросил, для чего ей стремянка. И она ответила, что именно так в августе 1969 года в 11:30 утра и было сделано оригинальное фото Битлов, пересекающих Эбби-роуд. Фотограф Иэн Макмиллан установил стремянку сбоку от перехода и заплатил полисмену, чтобы тот тормозил приближавшиеся к зебре машины. На съемки ему выделили всего десять минут.

— Но поскольку я ни с какой стороны знаменитостью не являюсь и полиция и пяти минут нам не даст, придется действовать быстро.

— Кажется, сегодня в Лондоне проходит какое-то мероприятие и Эбби-роуд перекрыта.

Пока я произносил эту фразу, мимо нас промчались три машины, черное такси, мотоцикл, два велосипеда и груженный досками грузовик.

— Ага, Сол, перекрыта, точно, — отозвалась Дженнифер, взясь со своей камерой.

— По-моему, ты больше похож на Мика Ронсона, чем на любого из Битлов. Даже несмотря на то что ты брюнет, а Ронсон блондин.

В этом она была права. Два дня назад Дженнифер остригла мои достававшие до плеч волосы под ведущего гитариста из группы Боуи. Втайне она очень гордилась тем, что я «так похож на рок-звезду». И мое тело она любила больше, чем я сам, за что я, в свою очередь, любил ее.

Улица опустела. Дженнифер установила стремянку ровно на том месте, где должен был бы затормозить Вольфганг. А затем полезла вверх по ступенькам, на ходу настраивая свои фотокамеры и выкрикивая мне указания: «Руки в карманы! Голову опусти! Смотри прямо перед собой! Отлично, теперь начинай двигаться! Шире шаг! Вперед!» К переходу подъехали две машины, но Дженнифер вскинула руку, прося их повременить, и принялась менять пленку в фотоаппарате. Автомобили загудели, и она, стоя на верхней площадке лестницы, отвесила им театральный поклон.

2

Чтобы отплатить Дженнифер за потраченное время, я купил в рыбной лавке шесть устриц, а еще прихватил бутылку белого сухого вина. Ее соседок по квартире, Сэнви и Клаудии, не было дома, и следующие несколько часов мы провели в постели. Жили они в подвальном этаже, квартирка была темная и тес-